

Александр Петрушкин

ТЕТРАДИ 2014 ГОДА

Александр Петрушкин
Тетради 2014 года

«Издательские решения»

Петрушкин А.

Тетради 2014 года / А. Петрушкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905505-7

Книга включает в себя все стихотворения Александра Петрушкина, записанные в 2014 году. Книга представляет собой часть поэтического проекта «Тетради», включающего в себя стихотворения, записанные с 2000 года по настоящий момент.

ISBN 978-5-44-905505-7

© Петрушкин А.
© Издательские решения

Содержание

«На высоте, в единственном числе...»	6
«Не в перспективу, а скорей в экран...»	8
«И нереален стыд детей, когда во мне...»	9
Пятна	10
«Записывая текст, зима смердит...»	12
«Вокруг – ни живы, ни мертвы ...»	13
«В просветах фотопленки негустой...»	14
«Слышишь? Стук слабеет в двери...»	15
«На шерстяной спине тумана ...»	16
«Вытягивая – вслед за ливнем ...»	17
«Светает – пробуждаясь – птица горла...»	18
«По ветке воздуха, пускающего корни...»	19
«И снег скрипит, скрипит, скрипит...»	20
«В три этажа лежащие в воде...»	21
«Так хоронили Плюшкина, в пьяный снег...»	22
«Перемещаясь в суточных своих...»	23
«Каким бы не был дом, но он был бел...»	24
Предчувствие пейзажа	25
«Доеденный лисой собачий лай...»	26
«Лишь несёт молчание. Я чаще...»	27
Сверчок	28
«В паренье снега...»	29
«О, утро осени моей...»	30
Прохожий	31
Снегопад	32
Челябинская комедия	33
«...но фрагментарна смерть – диагональ её...»	37
«Жук-пловунец, свернув свой шар...»	38
«Пока имитирует смерть здесь жизнь ...»	39
«Выуживая мелочи со дна ...»	40
«Свой голос задувая в шар...»	41
«Во-первых – прежде чем произнести...»	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Тетради 2014 года

Александр Петрушкин

© Александр Петрушкин, 2018

ISBN 978-5-4490-5505-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«На высоте, в единственном числе...»

На высоте, в единственном числе,
как выход в тесноту своих вагонов,
стоящий проводник, что помнит тень
пасущихся навстречу перегонов,
торчащих, как коровы в черепах
камней голодных – с холода и мраза,
мерцает словно ужас, а не страх,
посередине космоса и глаза.
На вылете из зрения – на миг
он ощутил, что катится лавиной
в него исправной жизни механизм,
которая то кажется невинной,
то длинной, как финальный ангел, то
замедленной, как хромосомы в кадры
сложившись, переходят не на вой,
на умолчанье голоса. Полаты
бока дыхания тёмного его —
он, показавшись зрению, вернётся
в своё – что несущественно – житьё
среди руин письма на дне колодца,
на высоту, которая внизу
не чует дна, проваливаясь выше
пока летит не контур в пустоту
а тёплое ведро – безвидно хныча.
Он взял с собой назойливых синиц,
которые с бумагой подгорают,
пока что их двухкамерные рты —
в рой медных пчёл воткнувшись
– в стыд истают,
пока здесь существует лишь пока,
смахнувши слепоту в хрустящий хворост —
гремит, несясь внутри себя – река
горизонтальная, как изморозь,
теперь уже не бойся
осы, летящей из проводника,
сужающего саранчу до ямы
которая привыкла дурковать
на языке неведомом базлая.
когда её промоченный язык
ты выучишь – теперь, а не однажды —
на высоте своей застыв в кирдык —
как проводник от той и к этой жажде.
На высоте – единственным числом —
теперь без имени – прозрачным горлом – снова
задвигаешь – змеиным языком

порезавшись о спрятанное слово.

(01/02/14)

«Не в перспективу, а скорей в экран...»

Не в перспективу, а скорей в экран
воткнулся ангел темноты, в стакан
пластмассовый и земляной, как боже-
спасименя, как в живота силки
свет накрошила дева через кожу,
с которым под руки однажды полетит.

Без изумления здесь на неё глядят
подростки, что разучивают взгляд —
когда вращаются кошачьи их зрачки —
во снах непреднамеренно легки,
и успевают погремущки птиц
стать оттиском озвученным тоски,

когда не-ангелы, которых вовсе нет
перелетают из своих тенет,
махнувшись и причинами, и местом,
сороговоркой замкнутой во рту
со всей смолой, с пейзажем, и суфлёром,
свою не принимают правоту —

пока вода внутри себя плывёт,
как утка, что садится на живот
плаценту тонкую перерубая клювом
светящимся внутри, как эхолот
всё то, что с ними здесь произойдёт,
там бабочка пронумерует чудом.

Плывя по рёбрам виснувшим, как страх,
она изобретает новый прах
и деву, крошки света, и попавших
в свои силки, как бронзовая тень
эфирных струн, двух ангелов, что зюзю
пинали под окошком целый день.

И то, что здесь потом произойдёт
их не касается — втыкается как хронос
в розетку, что стоит, открытым ртом
съедая кожи и стакана полость,
как утка, что внутри воды плывёт,
себе вскрывая — за мальком — живот,
чтоб на гнездовье наклевать в нём хворост.

(02—04/02/14)

«И нереален стыд детей, когда во мне...»

И нереален стыд детей, когда во мне
они калитку открывают тьме,
пока бегут, и – стрекоча в стрекозах —
доют теней осыпавшихся воздух,
и разминают слепоту в окне —
перевернувшись камнем на морозе
выводят мертвецов под руки в не.

Ты не почувешь этого стыда,
когда они оттуда и сюда
откроют насекомого калитку
(скорей сотри, как немоту, улыбку —
пока течёт холодная слюда,
слюна божественна и светится, как холод —
хотя и падает, как снег, а не вода)

и нереальна речь, что говорю,
баякая не тех, что жить в раю
обречены, а тех, что веки срезав
почти как бодхисатвы, спозаранку
взглянуть в себя, как бы в воронку, в ранку —
немеют в ужасе, как будто бы они —
стрекоз неразличимые огни,
чья речь молчит, узнав свою изнанку.

Они, свердловских этих мертвецов,
ведут по коридору, как отцов,
по дырам скрытым в мокром моём теле
И что мне делать? если полетели
они – скорей ответ, а не вопрос —
и двери заперты на крылышки стрекоз,
которые заглядывают в щели.

Скорей сотри мой влажный свет с плеча —
кого поют здесь ангелы, смолчав
заразные, как тёплый Бог, беседы? —
кто в эти хоры (в норы) кто поверит,
пройдя в калитку? утерав стыда
пчелиный рой, кто падает сюда —
в ребёнка, как душа (хоть может две их)?

(19/01/14)

Пятна

И грубое пятно песка на платье,
на берегу прозрачном без вины
растёт, как дерево, и тянется обратно —
за тенью лески – вдоль её спины,

когда грядут крещенские морозы
и кровь твердеет, осознав что кровь
ей имя, цифра, код бинарный, доза
и сада inferнального любовь.

И грубое пятно из тёплой глины
в котором быются птица, прорубь, глаз —
в воде холодной плещется, как окунь,
однажды проглотивший с жаждой нас.

И мы плывем внутри его, как пятна
полопавшихся в небо комаров —
чтобы вернуться в эту кровь обратно,
на капилляры хрупкие зрачков,

как альвеолы, что уже без лёгких
стремятся в птице видеть и дышать,
как рыбаки, покинутые лодкой,
вдоль за водой её по дну спешат

как тащит скарб свой то цыган, то плотник,
то тот, который вовсе без пятна,
то мягкое пятно на гулкой плоти,
то гул без тела – в чём его вина? —

то рыба кость, что отрастила жабру
и с ней плывёт по воздуху, чтоб в нём
из голоса – росло лишь вдовье мясо —
поймав то голос, то его пятно —

как чайка, плавники свои профукав,
играет в шашки с резаной водой,
своей бумаги разжигая угол,
чтоб деревом к себе же встать спиной,

чтоб мир качался там, где эти пятна
не обретают плотности иной,
чем грубое пятно в песке без платья —
то в ширину, то всей своей длиной.

(20/01/14)

«Записывая текст, зима смердит...»

Записывая текст, зима смердит.
Надув живот пустой свой для аборта,
надкусанное яблоко дрожит
и ждёт – как текст зимы – ещё чего-то.

Его воткнут как в кроличью нору,
хоры правы всегда до половины,
до декабря, до херовой земли
и – до блевоты в алкоголь – невинны.

О, текст зимы (точнее, декабря,
точнее, Зины с правого подъезда
точнее, схроны, где не умирать
мы учимся, записывая текст их.

(18/01/14)

«Вокруг – ни живы, ни мертвы ...»

Вокруг – ни живы, ни мертвы —
в засовах бродят двойники
и, собирая свет в живот
живой – несут перед собой,

жуют беременность свою,
в полёты смертных птиц сминают,
и оказавшийся в раю
мой черновик пылает с краю.

Пылает с краю – изнутри
и, языком его касаясь —
мой недоверчивый двойник,
порхает по границе лая.

Окрестных каменных собак
щекотку ощущая в горле,
он ждёт когда, как рыба, я
здесь окончательно оглохну,

и поплыву, в воде ночной,
плавник свой пробковый топорща,
где мой двойник мне строит дом —
ни жив, ни мёртв – а что попроще.

(21/01/14)

«В просветах фотопленки негустой...»

В просветах фотопленки негустой
я вижу руки тонкие – ко мне
они – по правилам не русского, но Брайля —
текут и плечи сглаживают тьме.

Ты понимаешь, что не договор
меня здесь держит? – ожиданье чуда,
цитаты, что присвоил я себе,
как будто бы кузнечик – и в том чудо.

И в том просвет – читай: не свет, но дым
под ледяною коркой, целлофаном
отсвечивает – стучаясь в окно – как бы олень
в мой дом пришедший рано

с той стороны, где жидкие холмы
растут внутри у почвы – не бессмертны.
Что хочешь взять с собой? Возьми, возьми
жужжание воды, замёрзшей в петли

дыхания парного оленят
в ключах у заблудившегося леса,
который бродит там, где жест меня
однажды разомкнет, лишая веса,

в просвете тела различив окно —
где свет летит вослед, а не вдогонку —
пока что камень на плече – пернат —
разматывает, с глаз снимая, плёнку.

(23/01/14)

«Слышишь? Стук слабеет в двери...»

Слышишь? Стук слабеет в двери
залежавшейся листвы.
Это – прежде чем поверить —
оказались мы мертвы,

это прежде чем – как яма,
смяв в кармане Чилябонь —
Бог кружится, без изъяна
грузчиков слагая вонь,

и стучат в ногтях их рыбы,
что мигают, как коньки
детворы, нырнувшей прямо
в корень ледяной реки.

Слышишь, как потеря слуха
проникает в этот хор,
в стук – что падает сквозь руки —
словно тёмный коридор?

Это – прежде чем под локти —
будто он ещё предмет —
коридор ведут под руки —
ангелы, которых нет.

В коридоре свет – растерян
как листва в саду – стоит
на одной ноге с уродом —
как наколка – уступив

своё место снегопаду —
вертикальному, как смерть...
стук слабеет – как награда
и возможность рассмотреть.

(25/01/14)

«На шерстяной спине тумана ...»

На шерстяной спине тумана —
ещё бессовестный – щегол
гнездо достанет из кармана,
как осень оказавшись гол.

Он, пар с наркозом распивая,
сидит в качелях – как словарь —
то ночь себе не выбирая,
то понимая, что попал,

то – принимая, что умрёт он,
когда, набрав на клюв тоски,
под тёплым запахом озона
снесут его в своё ни зги

запрятанные мирмидоны —
на переносице очки
утроив шерстяной слюною,
которой не было причин,

которой не было, и – жажду
разматывая как словарь —
висит щегол уже не нежный —
как смертность, что себе наврал.

(26/01/14)

«Вытягивая – вслед за ливнем ...»

Вытягивая – вслед за ливнем —
щенячью шею с головой,
стоял мороз, как тополь в листьях —
вдоль переполненный толпой.
И О тянулось длинных вёдер —
зависнув, где терялся свет,
как озеро, нырнувши в норы —
в земле успело зачерстветь...
...и восковые спрятав руки,
мороз, как бабочку в губах,
несёт от неба парашюты,
сгорая в тощих мотыльках,
растягивая тьму – как мясо
осеннее – осиротев
в подводе ливня прячет званье
и кутается в звонкий мех.

(27/01/14)

«Светает – пробуждаясь – птица горла...»

Светает – пробуждаясь – птица горла,
шифруясь в перьях плавкой черепицы:

у каждого пера – собачья морда,
и каждой морде пробуждение снится.

Вот угол морды мёртвой разорился
от – в сеть её попавшего – улова

из шариков дыхания – раздетых
до плавников случившегося слова.

И звук касается – как языка – дороги
и пяточок несёт в своём кармане,

шлифует тень, как черепицу – клюнет,
и – как рубец – на эхо глины встанет.

(28/01/14)

«По ветке воздуха, пускающего корни...»

По ветке воздуха, пускающего корни
чужого диалекта в мягких лёгких,
шагает ошибающийся, вовсе
не нужный – от того, наверно, лёгкий.

Премудрости крещенского народца
он выучил, как письмена по воску,
тоскуя, раздвигая снегу губы,
который будто тень в себя убудет,

зарывшись в сумерки, как в голову собачью
зарылась темнота – звенит, как сдача,
и машет голубем, звенящим, как монетка —
попавшись в прорезь воздуха на ветках.

(29/01/14)

«И снег скрипит, скрипит, скрипит...»

И снег скрипит, скрипит, скрипит,
вниз ускоряя шага шрифт —
две тысячи тринадцать
закончилось, как будто вёрст,
и каждый вечер, как вопрос,
звезда за небом светит.

И снег метёт, метёт крюком,
рисует каждому окно
в многоходовом доме,
и всякий бешенный спит пёс,
и свитер носит как донос
о холоде и коме.

И катится багровый ком
то под дыханьем, то на холм,
входящий, как в затоны,
в собачий люд и божий хлад.
Ты не сумеешь досказать,
как в горле водкой звоны

вверх расширяются, как снег —
идуший почему-то вверх —
от времени светлеет,
как вытрет губы мокрый шар,
переходя на скрип и пар,
как человек и всходы.

(12/11/13)

«В три этажа лежащие в воде...»

В три этажа лежащие в воде
воркующие будто духи святы жабы —
то пальцы неуместные свои, то оды
по песку — в которых ждали —
употребляют как хлеба, сосут
три этажа земли внутри слепящей,
воркуют, будто дух святой в них влип,
и светятся в раю, как будто счастье
им несущественно, а значит и — легко
делимо, резано на сизом пепелище
и роют темноту перед собой,

и, мошек разложив как партитуру,
они берут смычки у мертвецов,
которые лишь прорастут в осоке,
уже несут в лице перед собой,
понятные стеклянным жабам сроки.
И вот архангел, что спустился к ним,
за мошкариным роем некошмарным,
перста всем мошкам вкладывает в нимб,
и к этим пальцам прилипают жабы.

Им надо говорить, не медля, с ним
на языке воды безязыковой,
как колокол и всё, что есть за ним —
хотя, что есть, то непременно голым
летит на свет, который мягким ртом —
как кошка встав росе на четвереньки —
кусает то, что падает углом,
стирая тело, начертанье, плечи.

И что с того, что все три этажа
пологих жаб, своё несовершенство
корябущих, не спят — хоть спит вода
и оскорбляют тем её увечность.
И что с того, что жизнь здесь хороша,
что мертвецы играют им синицу,
что жабам жалко жизнь держать меж лап,
которая — в итоге — джиу-джитсу,
что всех задушит тёплая зима,
которая с архангелом заходит
в их новый дом, как рождество когда
спасает он, хоть повода нет вроде.

(13/01/14)

«Так хоронили Плюшкина, в пьяный снег...»

Вадиму Балабану

Так хоронили Плюшкина, в пьяный снег
клали его – чтобы под ним столы.

Нимб разливался – у пчёл под горящим желтком
малоизвестный Плюшкин всех хоронил.

Выжил и ладно – чтобы итить куда? —
защебетать за собой приходящий свет —
взял бы в ладони и завернул себя:

– Лучше уж тут – где пьяно
и полый цвет.

Так хоронили Плюшкина – он хоронил
маленьких пчёл, жалящих свет, и сквозь

нимбы летали они – как игла сквозь них
и рождества канун, и баранов дым.

Плюшкин покинул
свой бесконечный
пост.

«Перемещаюсь в суточных своих...»

Перемещаюсь в суточных своих
пайках друзей, не пишущих мне письма,
как бы лицо слепых глухонемых
ощупывал и – ранками сочился,
стекая в эту пиксельную дрань,
у монитора затыкая течи,
любая электрическая дрянь
прикосновений атомарно хочет.
Наполовину верный смерти – я
всё же держусь за этих половину —
пока живых сюжетов без лица,
впечатанных в прижимистую глину,
впечатанных в кисельный, как экран,
на первый раз (как воскресенье) черный
уже не мёртвый высушенный хлам,
жужжащий в проводах по первой ходке.
Перемещаюсь по его лицу,
как зек в бараке, надрываю лица,
и из конверта пайка настаёт —
и в мокром сердце кружится и длится.

(2/01/14)

«Каким бы не был дом, но он был бел...»

Каким бы не был дом, но он был бел,
как хлебный дым, размокший в ожиданье
ещё троих, которым от всех дел
лишь дождь и дым, и дым ржаной остался,

как след от робота на твёрдом языке
у ящери, оставшийся от Бога,
пиши, метла, ещё один с петель
сорвался, чтобы полетать немного —

смотри! – сверкает белой кожурой
ещё один, когда за минус двадцать,
когда и Комадей уже не тот
и ангелы, коснувшись, оторваться

уже не могут – веки разлепив —
и надорвать глаза свои по краю,
оставив их, как тьмы черновики
и, радуясь, что я их не узнаю,

что Комадей совсем уже не тот —
каким бы не был дом, но вышел белым
из всех восьми дурацких местных школ,
как бы мудак, шагающий за хлебом.

(04/01/13)

Предчувствие пейзажа

Закроешь глаза и зреет тебя забыть
дерево за окном. Через 30 лет
шишка – слетев с него – сможет меня убить
и от того, как циркуль, разложен след.
И потому – узнав твои сны – не я
им ужасаюсь, зачёркиваясь – окно
трещину дало как кинескоп, устав,
кончил собой, ощутив – как тоску – лицо.
И потому – штырясь под ночь – пейзаж
косит под дурку и зайцем во тьмах бежит —
вот отчего влядующая река
то ли орёт халдейкой, то ли под ним скрипит.
Что наскрипачат они – это ещё вопрос,
который – как будто Пермь – между длинных ног
розой алеет в месячные свои
возможно, что первые, не отмотав весь срок

(03/01/14)

«Доеденный лисой собачий лай...»

Доеденный лисой собачий лай,
подобранный – где лыжник леденцовый,
на палки продевающий снежок —
летит как тень с оторванной спиной,

летит, сужаясь в эхо, тянет R,
в дагерротипы встав на половину —
когда пойму и эту чертовщину —
ты зашифруй меня скорей, скорей

чем эта необъятная страна
на клетку влезть почти по-черепашьи
успеет, путая следы сякой судьбой —
что, если вдуматься – вопрос почти вчерашний,

Что слухом видишь? – пса с собакой гул
неразличимы тёмной тишиною —
и если лыжник только что заснул,
лыжня его становится норой

широкой – как бывает снегопад
растёт над людом местным и неместным,
когда его какой-нибудь бомжак
в окошке наблюдает слишком честно.

Рассыпавшись, вернутся, как фонтан,
два тополя, запутавшись в кафтанах
детишек, что скребутся в рукавах
у воздуха морозного. Как ранка

не заживает голос тощий мой —
доеденный, как время, ненадолго —
бежит лисой с оторванной спиной
и лыжник спит пока ещё негромко:

когда – открывшись сбоку – ему бог
то в морду, то за спину мёртво дышит —
не приведи, Господь, так долго жить,
чтоб довелось – и вымолить, и выжить.

(05/01/14)

«Лишь несёт молчание. Я чаще...»

Лишь несёт молчание. Я чаще,
чем возможно, скатываюсь к чаше —
ничего, что ты ещё исполнишь [?]
что со мной как будто бы ты можешь [?],
и звезда горит не как прощанье,
а его во тьмах лишь обещанье,
обещанье пирога с уловом,
из коросты собранного, слова,
из проказы, слепоты. С порога
примешь ли [?] хоть принесу немного
примешь ли [?] дары овса и мёда
хворост слов из каменного свода,
умножая голод мой до света
горлового [местных птиц], ответа
наблюдая стебель родника
у младенца меж овец, у света,
где, как кровь, растут глаза отца.

(06/01/14)

Сверчок

То неизбывная старуха
в себя посмотрит через край
и выдохнет: опять разруха —
что тоже рай,

то сядет мне слепой
и тёплый — как шея дерева — сверчок,
то в дом покажется огромным
его щелчок

по мягкой ветке. Над морозом
нас видит сон
и просыпается негромко
когда подрос.

(08/01/14)

«В паренье снега...»

В паренье снега
видит человек,
как будто в гнёздах,
отпечатки Бога

в глазах – у снега —
очепятки – берег – брег,
считавший ожидание
итога

в скрипящей —
будто лодка – спит —
качель – раз-два-и три – и
крылья оторвавши —

у стрекозы – у
ласточки – метель —
в парах сугробов – ходит —
отозвавшись

на белый голос —
на пчелу – в окне —
которая лежит к нему —
прижавшись —

как будто бы
в налившейся груди —
пчелы – плывут – качели
– земляные —

у зимних ягод —
склёванных в ранет,
плывут – край
задержавшие у света

качели земляные
в улей свой
и пальцы – точно камни —
соляные.

(07/01/14)

«О, утро осени моей...»

О, утро осени моей,
когда могу я говорить
с тобой в открытое окно,
хрустящий воздух – как пёс – пить —

где – с окровавленным лицом —
нам осень мордой ткнётся в грудь,
в своё витражное стекло —
посмевши наконец взглянуть —

в до-человеческий язык
природ отсутствия тебя,
чтоб намертво обоих сшить,
в своей гортани шевеля

ключом несмертие моё,
входило в мой кипящий сад,
где раскрутило колесо,
свернув, как вещь свою, назад.

(09/01/14)

Прохожий

Александру Павлову

Или ангел отвердел здесь,
обернувшись в человека,
или в этом тёмном лесе
остаётся только веко,
лишние детали сбросив,
в облаках летит игрушкой,
у которой – между листьев —
взятая на память стружка,
у которой, где-то в пахе,
женщины остался запах
одинокый как мужчина
и прозрачный, чтобы плакать.

Или ангел отвердел здесь,
языком поранив горло,
или стал он человеком
от чего ему так мокро,
и ощупывает руки
незнакомые с начала
и солёную щетину трёт
и смотрит, как причалит
в первый раз его автобус,
И, агукая в печали,
срёт ему на туфли голубь,
чтоб они не заскучали.

Или ангел леденеет
или это веко, вздрогнув
закрывает ему двери
и гулит, уже замолкнув.
Его улица большая —
как бы трамвай не по размеру
удлинится в русалок,
тащит нахрен, в смысле к небу.
И в пальто себя закутав,
смотрит в женщину прохожий,
как Эллада на цикуту,
на свою же смерть похожий.
(10/01/14)

Снегопад

Едва застынет зверь мой коридорный,
отмоет тень полы – оставит поле —
абзацы по углам – как бы снопы,
которые замёрзли в этой доле,
которые рогатый морщат лоб
и наблюдают спрыгнувшего зверя
не моего, но имени Его —
стоят, как чайки в людях и не веря.
И тот, который вертикальный, зверь
свет сохраняет в непрозрачном мясе,
соломенным быкам срезает лоб,
лицом невидимым своим —
зиме прекрасен.

(16/01/14)

Челябинская комедия поэмка

Как рыба силясь говорить,
когда уже в лотке сидит —
и пузырятся жабры

у продавщицы от того,
что пенно внешне и тепло
в челябинском базаре,

так мимо их плывёт Миасс
в самом себе и мимо нас,
как Данте к черной Сарре.

Здесь где-то дочь моя живёт
свой тонкий обхватив живот,
свернувший к полой жажде,

в котором свил базар вокзал —
как бы мальки ещё он мал
с ЧЕГРЕСа до Свердловска

Идёт вдоль взвод почти мужчин,
чурек плетётся из корчмы,
с прохладною винтовкой

левой золы, южней берест,
он будет жарить из небес
комедии, из воска

он выплавит свой новый лес,
и земли встанут на дыбы
вдруг ощутив своей судьбы

горизонталь и плоскость.
И кости рыб сожмёт Миасс —
как часть игры – летит КАМАЗ

и ни о чём не просит.
А на руке моей щенок —
как тень в полудне он высок

и спрятан средь колосьев.
И в пустоте идёт Дебил-
Механик-Движитель светил

Чилябонского солнца.

ДЕБИЛ

Вот я, учитель этих пчёл,
несущих мёд из языков,
как мальвы и пастушки —
они растут в своей среде,
рыдают где-то в сентябре
и умирают просто,

так просто – как старик умрёт,
узнав себя наоборот,
с изнанки и снаружи
гуляя в наволочке он —
уже почти один озон,
а станет ещё уже.

И воздух мягок, будто пруд,
и взвешен, как в исподнем
одет, на мальву, что жуют
прыщавые пастушки,
что мчат ко мне на всех парах —
пристойны, сладки, жутки

Вот я – учитель языков
и ученик их – как коньков
оставленные слепки —
они всё смотрят на меня
и за руки пчёл теребят,
и лижут пальцы редко.

Свобода! – мне кричит старик.
Тут, понимая, что он влип,
он смотрит в гору робко
и всходит [как бы среди вань]
такой худой, что рвётся ткань
у мирового зданья
перехватив дыханья.

СТАРИК:

Я вышел из себя,
как тропы вслед за зверем,
и лесорубы, лес коля,
всё двигались за лесом,
по кругу двигался театр —
введенский с заболоцким
ругались, чайником шипя
в прозрачном отголоске,

и распугали пчёл – они —
шурша, как будто мальвы,
скрывались там, где плыл – как дым —
дебил и номинальный
придурочный, мой славный лес,
в челябинском Париже —
из всех возможных в мире мест
он выбирал, что ближе.
Он выбрал! Выбрал этих, кто
заштопал мир, как саван,
как продавщица дохлых рыб
с искусственным дыханием.
Нам всем отчаянье дано —
как ложка или вилка,
и спит над миром это дно
и дырка его с крышкой.
Я вышел из себя и шёл
куда глаза, как нитки,
меня вели к скрипящей той
единственной калитке,
где явлен, как бушлат, мне был
отравленный в ночь киник,
и лаял мёд вовнутрь пчелой,
которую мне кинет.

МЁД:

Вот два дебила, солнце вот
пишу письмо наоборот,
куда нас ссылка заведёт,
и заведут детали.
Моя пчела всегда внутри,
но если идиотов – три,
то всё – хана печали
(не надо! – откачали).
О, как скрипел мой медогон,
в руке качая соты, он
до капли был
проявлен,
как бы часы, как часть весов
чьи чаши помню словно рот,
и тёмное молчанье —
у мальвы
утром ранним —
вот два дебила пьют чифир:
на индигарке спит один
второй встаёт как в восемь
с ответом что не просят.
О, как скрипел мой медогон,
недогнанный, идя в загон,

поскольку мчались лоси
как тройка через осень.
И грач молчал, и пел камыш,
дебил смотрел в пчелу, как мышь
и плакал сквозь ладони
с пчелою, что не тронет.

(11/01/14)

«...но фрагментарна смерть – диагональ её...»

...но фрагментарна смерть – диагональ её
похожа на корсет для позвоночных
изображений хакеров – в кого
они рядились в матрице непрочной,

когда – войдя в ещё один фрагмент —
меси́ли Гончарова, с киноплёнкой
шлифуя в лбах своих холодный пот
и утонув однажды вместе с фомкой

на середине, что не перейти —
но можно пересечь и выжечь хаты
и что скрипит под сумерки – не дверь? —
но тоже вполовину виновато...

что даже мамы, наблюдая нас,
не узнают в падении, конечно,
того – что пашет, изымая газ
их сыновей, плашмя бегущих в вечность,

без их советов в позвонки её
впаявших дочерей своих и тени —
почти умерших жён – что за стеклом
своих вагин летят почти беспечно,

И мне – как не поверить – мне тепло
от их голодной и смертельной фени,
чья тень маячит стриженным лобком,
хотя и вовсе это не по теме,

хотя диагональ её ворон, на наш
тыдымский, не-переводима,
и хакнутая матрица, как дом
не незаметна, а вообще – безвидна.

(14/01/14)

«Жук-пловунец, свернув свой шар...»

Жук-пловунец, свернув свой шар
подводный, шарит – как слепые
внутри своей потьмы – зажав
меж пальцев света половины.
В жаре из сумерек его
воды мохнатой и голодной
глазеем в свой оживший прах
и узнаём себя на плотной
костистой коже его, в шаре
под ножкой отраженном,
где от лица осталось О
и алкоголь неизъясненный.

(22/05/14)

«Пока имитирует смерть здесь жизнь ...»

Пока имитирует смерть здесь жизнь —
точней, умиранье её – стена
ползет и движется вдоль и вниз,
будто бы свет в ней достигнул дна

и оттолкнулся шестой ногой
жук-плавунец – полежал и встал —
вышел, как смерть, из меня другой —
тот, что под кожей моей шуршал.

пока имитирует смерть стоп-кадр
и в насекомом гремит со мной,
с тёплыми банками, рот зажав
уже некрасивой своей рукой,

чтобы осокой из тьмы сосать,
в её комариное встав чело,
чтобы свет из неё собрать
хотя бы звериный, как чутьё.

Пока имитирует смерть метель,
детей в кроватях, мою жену,
я не могу оставаться здесь,
её оставляя совсем одну,

когда заигравшись со мною в жизнь
она идёт по моим следам —
хочется дать ей сухой воды,
ангелам дать по пустым губам.

(15/01/14)

«Выуживая мелочи со дна ...»

Выуживая мелочи со дна —
гремит деталям, развёрнутыми вглубь,
где глубина — до извести темна
и содрана — как будто зрелый лук.
Рыбак с мальками ходит поперёк,
мигрирует по льду над головою —
как от земли оторванный клочок —
всплывает астмой поделённый вдвое,
вытаскивает сеть, как будто свет
упруг как местность — та, что безымянна,
поскольку есть и крутится предмет
ведомый, незначительный и главный.

(30/01/2014)

«Свой голос задувая в шар...»

Свой голос задувая в шар
с той стороны, заградотряды
не выпустят меня сюда
из сна, из-за его ограды

достанут тёплый пулемёт,
трещотку вычурную галки,
летающей по краю сна,
не ослабляющего хватки

своей. Своим есть «выдох-вдох-
игра», в которой взрыв не в праве,
вспугнуть тебя, наивный бог,
поскольку стыд тебя поставил —

как дерево внутри своих
чащоб, надевших панцирь тёмный,
непроницаемый сюда,
как сон для верных и бездомных,

замёрзших изнутри, щенков —
и трёхголовые собаки,
целуют дерево легко,
переодетое в снов хаки.

Они на белой полосе
летят в шарах, на безголовых
погранцах, как бы тоже пыль —
что хоть толково, всё ж не ново.

И если вдуматься – их сон,
что задыхается без лёгких
своих хозяев или волн
от их, оставшихся на сопке,

плывёт, как в нём плывёт вода,
с плацентой после первой схватки —
у роженицы, что стыда
не стоит – дерева, собаки.

(17/01/14)

«Во-первых – прежде чем произнести...»

Во-первых – прежде чем произнести
на снег поношенный похожие слова —
внимательно сквозь ножницы гляди
в порезы сна – и пусть их будет два.
А в третьих – за проваленным лицом,
примерив узкой радужки цвета,
ты осыпашься серебряным зрачком,
когда в тебя посмотрит, и когда
пропустит на изнанку, в первый сон,
и расстегнёт четыре этажа,
девица, санитарка, в домино
сложившись будто медная жара.
В четвёртых – отличаешь только треск
набухшего земного пузыря,
который – всхлипнув – выпустит наверх
пары и сны, в которых мошкара
почти с лицом, почти уже с моим
лицом – на холод прячется в залив,
который – сквозь порезы – головой

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.